

Съ театра военныхъ дѣйствій.

(Воспоминанія).

Сѣрое хмурое небо. Облака ползуть, точно хлопья грязной ваты. Мороситъ мелкій, пронизывающій дождикъ. Иногда набѣгаетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Подъ ногами липкое мѣсиво грязи. Вечерѣетъ. Сгущаются сумерки и лиловыя тѣни окутываютъ тускнѣющія дали. Кавалерійскій полкъ приближается къ деревнѣ, гдѣ назначена ему стоянка. Слышно усталое фырканье лошадей. Съ радостью смотрятъ гусары на приземистыя, съ подслѣповатыми окнами, хатки. Здѣсь ждетъ ихъ пріютъ послѣ тяжелаго перехода. Эскадроны размѣщаются по дворамъ. Вхожу въ отведенную мнѣ избу. Въ ней чисто вымытый полъ и видимая опрятность пріятно ласкаютъ глазъ. По стѣнамъ масса образовъ въ стилѣ польской религіозной живописи. Падаетъ на нихъ розовый отблескъ теплящейся лампы. Подкрадывается и захватываетъ хорошее чувство, и еще больше растетъ оно при видѣ радушныхъ хозяевъ. Старикъ-крестьянинъ и его семья привѣтливо кланяются и спѣшатъ помочь мнѣ снять мокрое платье. Затопили печь и поставили согрѣть воду для чая. Куда-то побѣжала маленькая Юзя и скоро принесла кринку молока и нѣсколько штукъ яицъ. Искренно и непринужденно угощаютъ, забросавши вопросами о войнѣ. Старшій сынъ моихъ собесѣдниковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и судьба его чрезвычайно беспокоитъ семью. Сожалѣя о приномѣ, эти добрые и простые люди много скорбѣли о нашихъ чудобогатыряхъ и горячо желали побѣды нашему оружію. Каждое слово ихъ сплеталось красной нитью непосредственной правды, неподдѣльной привязанности и глубокой любви къ тому государству, въ которомъ подъ могучимъ скипетромъ рисуется имъ прелесть безмятежныхъ дней и милость и привѣтъ заботливаго сердца.

Часто и послѣ мнѣ приходилось наблюдать среди поляковъ-крестьянъ тѣ же прекрасныя отношенія къ намъ, русскимъ, въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ. Что особенно дорого, эти выраженія участія не направлены къ людямъ исключительно замѣтныхъ отличій, высокыхъ чиновъ и импонирующихъ положеній. Нижній чинъ въ равной мѣрѣ, какъ и его начальникъ-офицеръ, въ понятіяхъ насельниковъ Польши желанный ихъ защитникъ отъ честолюбивыхъ замысловъ кайзера теперь и точный исполнитель челоуколюбивой воли своихъ Монарховъ относительно польской націи въ прошломъ. Отсюда, по природѣ гостепріимный и хлѣбосольный польскій народъ съ открытой душой встрѣчаетъ нашихъ стратотерпцевъ и всячески готовъ помочь имъ въ трудной военной обстановкѣ. Нѣтъ въ этомъ красиваго только жеста, но факты ясно говорятъ за себя. Кто видѣлъ польскія деревни, извѣдавшія „культуру“ соплеменниковъ Ницше, тотъ пойметъ, какую чашу горя испили ихъ жители. Здѣсь картина полного разрушенія: сожженные дома, уведенный скотъ, истоптанные остатки сѣна и жалкіе, раздерганные снопы соломы. Зернового хлѣба и муки почти нѣтъ. Эти пищевые продукты или забраны, или же использованы на мѣстѣ полчищами неприятеля. Но страшныя бури военной непогоды не подавили въ груди сыновъ деревенской Польши благородныхъ чувствъ, что влекутъ ихъ къ русскому витязю. Дѣлать съ нимъ потомки Грюндвальдскихъ борцовъ послѣднюю краюху черстваго хлѣба, даютъ ему лучшій уголъ въ избѣ и благословляютъ на бранный путь горячей молитвой бьющихся въ унисонъ съ нимъ вѣрныхъ сердецъ.

Съ польской интеллигенціей за истекшій періодъ кампаніи мнѣ приходилось встрѣчаться довольно рѣдко. Но одинъ случай оставилъ въ

моей памяти неизгладимый слѣдъ, какъ яркій показатель трогательной заботливости представителя этой части польской націи въ отношеніи къ православному священнику.

Полкъ ушелъ на позцію. Говорили о группировкѣ значительныхъ силъ противника, о численномъ его превосходствѣ и предстоящемъ жаркомъ дѣлѣ. Въ виду такихъ соображеній, не желая подвергать серьезной опасности обозъ, обыкновенно слѣдующій непосредственно за полкомъ, впрядь до выясненія обстановки, ему приказано остаться въ фольваркѣ. Дано также распоряженіе вытянуть обозъ по дорогѣ около господскаго дома и держать лошадей въ упряжи. Чувствовалось приподнятое настроеніе. Гдѣ-то вблизи завязывался бой. Ясно слышалась рѣзущая ухо трескотня пулеметовъ, чаще и чаще разсѣкали воздухъ тяжелые раскаты пушечныхъ выстрѣловъ и гулкимъ эхомъ отдавались въ обширномъ паркѣ имѣнія. Наскучивъ стоять у дороги, я пошелъ въ паркъ. Старинный и отчасти запущенный, онъ манилъ къ себѣ таинственностью давно минувшихъ дней и навѣвалъ безотчетное и тихое чувство грусти. Въ мозгу вставали и роились какія-то неясныя и еще невѣдомыя, но безконечно милыя грезы, и рождалось въ душѣ сожалѣніе о чемъ-то дорогомъ и безвозвратно угасшемъ. Я присѣлъ на скамью и тоскливо глядѣлъ на прощальную улыбку уходившаго лѣта. Природа снимала свой пышный нарядъ. Уже увядала изумрудная зелень полей и падая ласкалось къ землѣ багряное кружево листьевъ. Въ перламутръ облаковъ шаловливыя тучки вилетали дымчатыя гирлянды и рѣзвый вѣтеръ игралъ съ ними въ веселомъ хороводѣ. Солнце струило золотой снопъ лучей, но они не дарили, какъ прежде, своихъ горячихъ поцѣлуевъ. Паркъ, завитая плющомъ бесѣдка, каменный съ статуей фонтанъ, сколько воспоминаній счастливаго дѣтства!.. далеко понеслись мои мысли!.. Пришелъ церковникъ и вернулъ меня къ жгучей дѣйствительности. Оказалось, въ упряжкѣ моей брички одна изъ лошадей такъ слаба, что едва-ли пойдетъ дальше. Это извѣстіе меня встревожило и заставило уйти изъ парка. У дороги я встрѣтился съ управляющимъ фольварка, рассказалъ ему о своемъ горѣ и вмѣстѣ съ нимъ направился къ обозу. Лошадь стояла, понуривъ голову, и тяжело дышала. Она ходила раньше въ патронной двуколкѣ и, видимо, была загнана. Меня ожидала непріятная перспектива: обозъ не имѣлъ запасныхъ лошадей и долженъ былъ тронуться съ минуты на минуту. „Не волнуйтесь!“—услышалъ я ласковый голосъ, и управляющій взялъ меня подъ руку. „Мы, батюшка, славяне,—продолжалъ онъ съ замѣтнымъ акцентомъ,—и тѣсныя узы добрыхъ чувствъ пусть связываютъ насъ. Если тяжело теперь намъ, то вы испытываете двойныя лишенія, и не помочь вамъ я считалъ-бы грѣхомъ. На фольваркѣ есть лошади и одну изъ нихъ приведетъ вамъ церковникъ.. Поблагодаривъ управляющаго за дорогую услугу, я поспѣшилъ къ своей бричкѣ, такъ какъ уже подана была команда: „люди къ конямъ“ и обозъ торопливо началъ собираться къ выступленію.

Пошли быстрымъ шагомъ. Скоро выѣхали на гору и обозъ остановили опять. Я былъ этимъ крайне удивленъ, тѣмъ болѣе, что бой разгорался и снаряды рвались на близкомъ разстояніи. Мое недоумѣніе разрѣшилъ начальникъ обоза. Онъ сказалъ мнѣ, что дальше слѣдовать сопряжено съ рискомъ быть на позиціи, гдѣ стоитъ наша артиллерія. Дѣйствительно, въ полуверстѣ виднѣлись орудія и надъ ними вспыхивалъ частый огонь отъ выстрѣловъ. Въ то же время стрѣльба противника развивалась съ ужасающей силой. Ударяя, словно гигантскимъ молотомъ, ревѣли пушки, кипѣла немолчная трескотня пулеметовъ и безпрестанно клочкотали ружей-

ные залпы. Приказано тронуться обозу. Свернули вправо. Узкая дорога вилась по низинѣ между двухъ отвѣсныхъ горъ, въ концѣ ея упиралась въ крутой, холмистый подъемъ и дальше змѣилась излучинами въ направленіи къ шоссеному тракту. Взбираясь на гору, встрѣтили казачій разъѣздъ. Казаки подѣхали къ намъ и взяли „пики къ бою“. Раздалась команда: „обозъ рысью“! Задержали вожжами, хлеснулъ кнутъ, другой, и лошади, сбиваясь въ галопъ, пошли крупной рысью. По широкой равнинѣ, что раскинулась при дорогѣ, отступала одна изъ пѣхотныхъ дивизій. Очевидно, непріятель замѣтилъ густыя колонны пѣхоты и открылъ по нимъ шрапнельный огонь. Нѣкоторые изъ людей были ранены и спѣшили на перевязочный пунктъ. Обгоняя отходившую воинскую часть, обозъ растянулся длинной лентой и, оглябая часть равнины около лѣса, скоро попалъ въ площадь обстрѣла. Ближе и ближе рвались стаканы шрапнели, металась въ воздухѣ ихъ огоньки и градъ свинца вихремъ кружился у повозокъ. По бокамъ дороги на низкорослыхъ коняхъ лихо неслись казаки и лезвія ихъ пикъ грозно сверкали на солнцѣ. Иногда дѣти тихаго Дона склоняли свои головы къ сѣдламъ или, оборачиваясь назадъ, тревожнымъ взоромъ слѣдили за хвостомъ обоза. Вдругъ пять—шесть изъ нихъ выгнулись на стременахъ, на мгновеніе точно приросли къ нимъ и, съ силою повернувъ лошадей, карьеромъ рванулись отъ насъ въ обратную сторону. Какъ молніей обожгла меня мысль о возможности какого-либо несчастья, но мое опасеніе было напраснымъ. Казаки сопровождали отстававшихъ ѣздовыхъ и тѣ, доводя лошадей почти до карьера, уменьшали между собой интервалы. Мою бричку догонялъ церковникъ. Онъ былъ на крѣпкомъ буланомъ иноходцѣ, котораго подарилъ управляющій, и съ кѣмъ-то громко говорилъ, размахивая по привычкѣ рукою. Я сталъ прислушиваться, но страшный гулъ, соединенный съ шипѣніемъ, обратилъ мое вниманіе въ сторону лѣса. Нѣсколько томительныхъ секундъ ожиданія, и на опушкѣ лѣса съ трескомъ разорвался снарядъ, свернувъ сношъ огня и тяжелые осколки посыпались дождемъ на ближайшія сосны. Были видны разщепленные стволы, повисшія и слетѣвшія на землю толстыя вѣтви. Прошли еще нѣсколько верстъ и выѣхали на шоссеную дорогу. Обозу приказано слѣдовать шагомъ. Изрѣдка рвались стаканы шрапнели, но уже падали отъ насъ далеко. Гусары дѣлились впечатлѣніями пережитаго обстрѣла. Отъ нихъ я узналъ, что въ тотъ моментъ, когда казаки мчались къ хвосту обоза, его догонялъ австрійскій разъѣздъ, но, увидя скакавшихъ на встрѣчу донцовъ, быстро скрылся въ чащу лѣса.

Наступалъ вечеръ. Садилось солнце и багряное зарево пожара охватывало края неба. На синемъ фонѣ лѣса пылали золотомъ верхушки деревьевъ. Потянулъ вѣтерокъ и донесъ смолистый запахъ сосны. Обозъ приближался къ уѣздному городу одной изъ губерній Привислянскаго края. Встрѣчались раненые солдаты; иные шли въ лазаретъ, другіе, чаще измученные и усталые, сидѣли по обѣимъ сторонамъ шоссе. На плацу около города сосредоточилась масса повозокъ различныхъ пѣхотныхъ частей. Отъ тѣноты буквально негдѣ было упасть ябкоку. Послѣ долгихъ усилій обозъ былъ размѣщенъ на небольшой площади у аллеи, при вѣздѣ въ городъ. Уже стояли нѣсколько часовъ. Темный покровъ ночи опустился на землю. Мѣстами взвивался огонь костровъ и удрушливый дымъ слася надъ полемъ. Я поѣхалъ въ городъ. Улицы словно вымерли, но у ратуши стояла группа ординарцевъ начальника нашей бригады. Спросилъ, гдѣ полкъ. Отвѣтили полнымъ невѣдѣніемъ. Посовѣтовали не отрываться отъ обоза: онъ долженъ спѣшить

къ переправѣ, въ виду возможнаго ночью наступленія непріятели на городъ. Отыскалъ бричку и, лавируя между зарядныхъ ящиковъ артиллеріи, съ трудомъ догналъ выступавшій обозъ. Во главѣ его былъ назначенъ полковникъ и дано прикрытіе изъ двухъ сводныхъ эскадроновъ бригады. Узналъ отъ возницы, что большая лошадь стала поправляться. Путь былъ далекій. Разомъ пошли широкою рысью. По гладкому, какъ скатерть, шоссе мягко катилась рессорная, отбитая у австрійцевъ бричка. Я прижалъ голову къ брезентному верху брички и скоро заснулъ. Сильный толчекъ заставилъ меня открыть глаза. Обозъ тихо тянулся по скверной мостовой еврейскаго мѣстечка.

Снимала мрачную завѣсу ночь и набѣгали бѣлесоватая, радужныя волны разсвѣта. Спустились по крутому откосу мѣстечка и стали на берегу рѣки. Вдали были видны плоты: то переправлялъ съ сопровождавшіе насъ эскадроны. Намъ дано приказаніе возможно скорѣе прибыть къ понтонному мосту и здѣсь немедленно переправиться, чтобы не задерживать понтонеровъ, получившихъ распоряженіе снять мостъ къ извѣстному времени. Должны были пройти версть восемь. Усталые кони выбивались отъ быстрой ѣзды. Вдругъ мой возница однимъ прыжкомъ соскочилъ съ козелъ и бросился къ хрипѣвшей лошади. Едва онъ отступилъ, гнулъ постромки, какъ измученное животное, шатаясь, тяжело рухнуло на землю. Два—три конвульсивныхъ движенія и лошадь издохла. Нѣсколько повозокъ пронеслось мимо меня, и я остался одинъ въ полѣ. У церковника была лошадь управляющаго, но онъ гдѣ-то отсталъ, и мнѣ пришлось ждать его довольно долго. Изсякло всякое терпѣніе: церковникъ точно канулъ въ воду. Къ моей радости подѣхала отставшая телѣга. Она была высоко нагружена имуществомъ саперной команды. Помѣстившись здѣсь такъ, что одна нога упиралась въ велосипедъ, а другая лежала на карбитномъ фонарѣ, тронулся въ дальнѣйшій луть. Послѣ продолжительной и своеобразной гимнастики на возу, паденія съ него въ канаву съ ушибомъ ноги, кое-какъ добрался къ переправѣ. Скоро пришла и бричка. Лошади дымились, на нихъ висѣла кусками обильная пѣна.

Я не буду описывать послѣдующихъ за переправой скитаній разорвавшагося обоза, его частичнаго обстрѣла, моего блужданія въ лѣсу до ночи,—все это быть, можетъ, станетъ предметомъ отдѣльныхъ моихъ воспоминаній. Скажу только, что въ эти минуты я мыслью часто былъ съ управляющимъ и посылалъ ему глубокую благодарность. Своимъ добрымъ движеніемъ сердца онъ избавилъ меня отъ многихъ огорченій, если не больше.

Священникъ *Николай Гончаровъ.*